

A detailed microscopic image of a tissue section, likely stained with hematoxylin and eosin (H&E). The image shows various cellular structures, including what appears to be a large, rounded, eosinophilic structure in the lower-left quadrant, possibly a cyst or a large cell. The surrounding tissue is densely packed with cells, showing varying degrees of pink and purple staining. The overall texture is granular and fibrous.

Алексей Бурцев

18+

Виталец

(алко-роман)

Алексей Бурцев

Витольд [алко-роман]

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36858672

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11357-2

Аннотация

Жизнь обычного человека, сама по себе – эксперимент и опасный аттракцион. Человек бухающий особенно склонен к опытам. Биохимического порядка. Жестоким и рискованным. Учёный и объект исследования в одном лице. К чёрту лабораторных мышей. Опыты строго на самом себе. Без наркоза, дублёра и страховки. Некоторые умудряются дойти живыми до финала изысканий. Постановки самого сложного эксперимента. Попытаться повернуть время вспять. Проще говоря – завязать бухать совсем. Шарахаясь витиеватыми зигзагами проспектов, закоулков и тупиков своего пути, Витольд подошёл всё-таки к началу этого эксперимента.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	14
Глава вторая	19
Глава третья	24
Глава четвёртая	27
Глава пятая	32
Глава шестая	38
Глава седьмая	41
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Бурцев

Витольд. Алко-роман

Пролог

Если уж начинать, то с самого детства. Советского. СССР конца семидесятых. Период позднего застоя.

Начинавшаяся в 21:00 программа «Время» радостно общала, что Леонид Ильич Брежнев встретился в Москве с очередным послом. Как правило, чрезвычайно смуглым, в балахонистом одеянии – иногда из леопардовых шкур. Облик посла часто завершал экзотический головной убор. Нечто среднее между папахой, пилоткой и тюрбаном. Далее дикторы настраивали граждан на кулинарно-алкогольный лад: «В честь этого события был дан торжественный банкет в Кремле». Видеоряд: длинный стол, уставленный закусками и бутылками. Как в нынешних свадебных видео. Правда, без фокусных панорам и «наездов» на искрящиеся фужеры. Так сказать, «скромно, по-партийному».

После шли репортажи про небывалый урожай, новости с космической орбиты, спорт и в завершение программы прогноз погоды во всех пятнадцати союзных республиках. Под умиротворяющую мелодию Анатолия Кирияка «Микаэла».

Советский народ мог наконец облегчённо выдохнуть. А

желающие даже выпить на сон грядущий. Поскольку высшее руководство уже это сделало на кремлёвском банкете, лишний раз укрепив международные отношения, дело мира и социализма, а также статус ядерной державы.

После программы «Время» советским рабочим, интеллигенции и колхозникам много пить не полагалось. Всё-таки рано вставать придётся всю рабочую неделю. План надо выполнять и перевыполнять. Поэтому навёрстывали уже в выходные.

Впрочем, особо страждущие могли это делать «без отрыва от производства». Прямо на работе. На заводах и фабриках портвейн весело булькал в мутные стаканы. В конструкторских бюро и научно-исследовательских институтах коньяк интеллигентно разливался в фарфоровые чашки. А в полях самогон струился тонким ручейком по шербатым стенкам эмалированных кружек.

Портвейн закусывать считалось не по-пролетарски, он и так сладкий. Коньяк осаживали лимоном или продолжением научной беседы. Самогон в поле заедался хлебом с салом и луком, занюхивался рукавом. А иногда, за неимением закуски, чистым воздухом.

Нельзя сказать, что граждане СССР безбожно «употребляли» везде и всегда. Лишь по настроению и необходимости. Обычно по праздникам. В то время совсем немногочисленным. Не в пример времени сегодняшнему красных дней в советских календарях насчитывалось гораздо меньше. Да и

продолжались они всего ничего. К примеру, Новый год: 31 декабря считалось рабочим днём, а выходными только второе и первое января. Не забалуешь. Строгая советская партийная и трудовая дисциплина.

Отношение начальства к «распитию» на рабочем месте оказывалось в большинстве случаев спокойным. Поскольку любой мало-мальский, уважающий себя директор, председатель или номенклатурный работник имел кабинет с секретаршей, машину с водителем и «святая святых» – секретную комнату отдыха. Ещё одну начальственную привилегию. Но как будто бы тайную. Что придавало престижа занимаемой должности и тешило самолюбие.

В остальном строгий кабинет руководителя выглядел стандартно. Длинный стол для совещаний с парой рядов скромных стульев. Начальственный стол, число телефонных аппаратов на котором прямо пропорционально статусу хозяина. Кожаное массивное кресло считалось барской роскошью. Даже скорее предметом обихода буржуев с проклятого Запада. Чаще всего властные седалища помещались на дубовых подобиях трона с обтянутой кожзаменителем спинкой. Отдельно стояли бюст Ленина с переходящим Красным знаменем. С портрета взирал действующий на тот момент генеральный секретарь ЦК КПСС. Ниже висел лозунг в виде его короткой цитаты.

Но почти каждый такой кабинет имел хитро замаскированную среди шкафов дверь. Убежище от внешнего мира.

Уголок покоя и интима. Некоторые вечно спешащие начальники пользовались лишь имевшимся там запасным выходом. Чтоб ускользнуть от надоедливых просителей.

Если положено по должности и статусу, тайная комната убранством и оборудованием напоминала сталинский бункер. Но для рядовых управленцев – стандартно: диван, санузел с душем, холодильник и сейф. Не знаю, много ли в тех сейфах хранилось золота партии, но пара бутылок хорошего коньяка, рюмки, нож и свежий лимон – являлись атрибутами обязательным. Предназначалось всё это для особых гостей и случаев.

Мало кому удавалось пересечь границу между кабинетом и «комнатой отдыха». Рядовые посетители не знали о её существовании или делали вид, что не знают. Но тем, кому такая честь доводилась, хозяин в знак особого расположения предлагал «для начала хлопнуть по маленькой». Отборный коньяк, как правило, отечественный, армянский, неторопливо смаковался. Придавая уюта и доверительности беседе двух серьёзных людей. Без посторонних глаз и ушей.

Впрочем, любителей выпить у людей на виду существовало тогда более чем достаточно. Персонажи иного сорта и класса. Живые прототипы карикатур журнала «Крокодил», заводских многотиражек и сатирических плакатов. Не столь смешные, сколько больше жалкие в своей рисованной несуразности.

Городской алкоголик советского времени – существо

неприхотливое, по большей части тихое и незлобивое. Как правило, работяга или «БИЧ» – бывший интеллигентный человек. Этаким дауншифтер, взявший на себя обязанность всем своим видом являть окружающим образец отрицательного примера и неправильно выбранного жизненного пути. Тяжко несущий свой крест без страха и упрёка. В назидание остальным добропорядочным советским гражданам.

Глядя на такого персонажа, у окружающих должно было возникать чувство не то чтобы отвращения, а скорее страха за перспективы чрезмерного увлечения алкоголем. Горячее желание «завязать» или хотя бы «притормозить». А у тех, кто помоложе, – даже и не начинать.

При этом законченные алкоголики времён СССР совершенно не выглядели как современные бомжи. Классическая униформа: застиранные спортивные трико с пузырями на коленях, майка-алкоголичка, поперх – перекошенный пиджак и обтёрханная шляпа, как символ былой презентабельности. Иногда к этому прилагался университетский значок на лацкане и очки. Фэшн-индустрия в ту пору в мире ещё только зарождалась. Советская лёгкая промышленность не баловала население стильной одеждой, больше ориентируясь на пошив военной формы. Так что на общем фоне остальных граждан алкоголики выглядели более-менее прилично.

Все эти люди где-то и как-то работали. Безработицы, согласно официальной статистике, не существовало. Кроме того, действовал закон о тунеядстве. Многие из них высокие

профессионалы: токари, слесари, зубные техники – числились незаменимыми кадрами на производстве. Как Левша Лескова. Подковавшие так много блох и так «глаз пристрелявши», что директора заводов посылали за ними служебные «Волги» и гонорар в «жидком виде» для выполнения особых важных заказов.

Эти люди – «аристократы духа» и безмятежные философы, любили неспешно расположиться на газоне возле магазина. Или в ближайшем сквере. Живописно расслабив на тёплой майской траве бранные тела свои. Разложив на газетной скатерти закуску и блестящие на солнце бутылки.

Роскошный натюрморт утончённых эстетов выглядел обычно так: ломаный ржаной хлеб с хрустящей горбушкой. Килька в бумажном кульке, по тридцать копеек за килограмм. Маленькие, узкие солёные рыбки, блестящие рассолом из дубовой бочки. Плавленый сыр «Волна» светил белизной сквозь рваные раны серой фольги. Тушёнка в виртуозно открытой трением об асфальт консервной банке. Волокнистые бордовые ломти настоящего мяса. Всё это лежало, оттеняя апофеоз картины – стоящие в травяной тени портвейн или водку. Одноразовых пластиковых стаканов в ту пору ещё не изобрели. Но возле гастрономов стояли автоматы с газированной водой. Откуда стеклянные гранёные стаканы и утаскивали потихоньку любители напитков покрепче.

Обычно такие пикники продолжались недолго. До появ-

ления случайно проходящего мимо милицейского патруля, физической силой и властью нарушавшего красоту и светотень пленэра. Иной раз жёлтый УАЗ с синей полосой и мигалкой появлялся по звонку недовольных чужим счастьем граждан. Но чаще всего экипаж спешно приезжал, чтобы разнять пьяную драку. В которую перерастал благородный симпозиум зрелых мужчин под щебет весенних птиц.

Суровые милиционеры в синих мундирах плотно паковали нетрезвые, обмякшие тела, изрыгающие обрывки застольных песен и матерные ругательства. Доставляли до ближайшего вытрезвителя. Там советская власть гостеприимно принимала своих заблудших сынов, беря в ежовые рукавицы. Холодный душ, ночь под казённым одеялом. Фотографирование поутру. Пятнадцать рублей штрафа. Письмо на работу о попадании в заведение. Как достижение – фото вывешивалось на доске рядом с уличным газетным стендом под заглавием «Они позорят наш район». Страна должна знать своих героев в лицо и пофамильно.

Многих всё это вовсе не страшило и становилось вполне регулярными этапами алкогольной карьеры. Неизбежными Сциллами и Харибдами среди бушующих вино-водочных волн.

Для таких «непокорённых» в семидесятых годах открылись ЛТП – «лечебно-трудовые профилактории». Нечто среднее между колонией и заводом. Администрация ЛТП считала лучшим лечением – работу за еду и небольшую зар-

плату в охраняемых помещениях. Туда отправляли по приговору судьи, который мог легко вкатать два года пребывания в столь необычном заведении. Так случалось чаще всего после множества приводов в милицию, ночёвок в вытрезвителе, бесконечных жалоб соседей и родственников.

В основном попадали в ЛТП те, у кого по пьянке «крыша съезжала» и невозможно было разбушевавшихся остановить. Трезвый – аки ангел, а выпьет, топор в руки и готов любого порешить. Война закончилась сравнительно недавно. Множество ветеранов с контузиями и посттравматическим синдромом. Пристрастившиеся ещё мальчишками заливать страх «фронтowymi» ста граммами.

Высоцкий. Владимир Семёнович. Вот уж кто-кто, а он своим творчеством мотивировал советских граждан бесстрашно и самозабвенно налегать на стакан. Люди считали его своим в доску. Рубахой-парнем. Отчаянным и резким. Ветераны войны, работяги, инженеры и уголовники.

Рокот низкого тембра с налеганием на длинное «р-р-р». Его голос был самым узнаваемым в позднем СССР. Ежедневно звучащий с тысячи магнитных лент.

Бешеная популярность и всенародная любовь, питаемая разнообразными слухами. Но лишь один из слухов был общеизвестен и абсолютно достоверен. Высоцкий сильно пил. Много. Запойми. Вместе с творчеством это составляло предмет гордости его поклонников.

Трагизм и надрыв песен Высоцкого так и манили стать

ближе к недостижаемому поэту и кумиру – причаститься стаканом водки. Рюмок и прочей малой тары этот надрыв не предполагал.

Снятый в 2011 году фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой» пытается изложить историю, густо замешанную на наркотиках и прочей жути. Присоединяться к поклонникам этой версии нет ни малейшего желания. Пусть легенда останется легендой. Алкогольной. Оттого – трагической и печальной.

Можно часто и ловко ходить по самому краю. Щекоча себе нервы, приводя в визгливый восторг окружающих. Но когда-нибудь ты сорвёшься и полетишь вниз. Камнем. С огромной скоростью. Бесполезно пытаешься остановиться в полёте. И упадёшь. Люди расступятся, чтобы посмотреть на куски, что от тебя остались. Немного поговорят. Кто-то из наблюдательных умников непременно сообщит, что совершенно не удивлён таким трагическим финалом. Холодно скажет со знанием дела: «Он же ко всему прочему и пил. Так что знал, чем всё это может закончиться».

Вскоре любопытствующие граждане равнодушно отправятся по своим делам. Сорваться вниз при хождении по краю – лишь вопрос времени.

Пролог уже слишком затянулся. Настало время представить главного героя. Хотя бы придумать ему имя. Не суть важно, каким оно будет. Можете смело поставить своё собственное. Не хочется? Мне своё тоже – не хочется. Исполни-

зовать распространённый экземплекант «Вася Пупкин» считаю несерьёзным и неуместным. Имена тех, кого я знаю лично, друзей и знакомых, вполне подходят герою романа, однако иди потом оправдывайся, что «все совпадения случайны».

Поэтому выберу имя наугад. К примеру – Витольд. Нет, ну а что? Мне нравится. Ни одного Витольда в реальной жизни я не знаю. Звучит нормально. Что оно означает? Нет времени гуглить.

Итак, разрешите представить – Витольд! Переходим в наше время!

Глава первая

Самое трудное утром – решиться открыть глаза. Первая промелькнувшая мысль: «Проснулся...»

Вторая: «Телефон????!!! На месте!!!»

Третья: «Живой!»

Чтобы оценить, здоровый или нет, – надо открывать глаза и начать ворочаться. Вспомнить всё в деталях сразу не удастся. Привычная для такого утра ретроградная амнезия. Ну да ладно. Вспомнится, хотя и частями, попозже. Или напомнят те, с кем пил вчера. Позвонят. Иногда после таких звонков много неожиданно нового о себе узнаёшь. Телефон молчал. Пропущенных звонков не было. И это уже хорошо.

Глаза сфокусировались на белом пятне, принявшем очертание знакомых домашних обоев. Уже лучше. «Здоровый и целый», – ещё радостнее подумалось Витольду, поскольку он уже успел незаметно пошевелить руками и ногами, дёрнуть кожей лица, пару раз моргнуть и скорчить что-то вроде улыбки. «Все бортовые и навигационные системы функционируют нормально», – вспомнилось что-то там из новостей космонавтики.

Сейчас самое главное встать. Прокричать самому себе: «Как бодрость духа?!»

Затем: «Поднимите мне веки!!!»

После этого: «Подъём, с-с-сука!!!»

Что Витольд немедленно и сделал. Собрал силы и волю в кулак и попытался вскочить, говоря книжным языком, «как сжатая пружина». На самом деле с трудом согнулся на кровати пополам. Вытянул ноги, таращась по сторонам.

Про внутренности: печень, желудок, почки и прочий «ливер» – думать совершенно не хотелось. Знакомый врач говорил, что печень даже при циррозе совершенно не болит. Как ни странно – это успокаивало.

Болит голова или нет, станет понятно, если начать двигаться. А сделать это всё равно придётся. Хотя бы чтобы отлить и выпить воды из-под крана.

Сушняк выдался сегодня средней жёсткости. Не Сахара, конечно, но проснуться заставил. Хотя скорее это переполненный мочевой пузырь.

Но пока что самое лучшее – не делать резких движений. И не думать. Вообще. Лучше всего, конечно, забить на всё. И спать дальше. Но...

Струя колотилась о стенки унитаза, меняя все оттенки жёлтого. От тёмного пивного до соломенного и, наконец, почти прозрачного. Витольд знал, что моча сейчас жутко воняет спиртом, тщательно смывая её пенистым водопадом из бачка. В тумане отходняка обоняние притупляется, ну и плюс – насморк. Привычное дело для бухающих людей. Сам запаха не чувствуя, но зная, что он есть, Витольд решил не загаживать и без того стрёмный окружающий мир.

Кроме того, он понимал, что сейчас и сам, мягко говоря,

пованивает. Каждая пора его кожи исторгает из организма сотни тысяч летучих молекул перегара. Мелких, зловонных и вредных.

Но это устранимо. Главное – не лениться, взять себя в руки. Не ложиться. Разве что прилечь ещё минут на десять. Но ни в коем разе не засыпать.

Немного ломал вид за окном. Весна, которая всё никак не могла по-человечески начаться. Снег почти весь растаял, открывая взгляду корявые голые деревья, мокрую землю с вкраплениями бытового мусора, серое небо с редкими проблесками синевы. Нудный мелкий дождь постукивал скучным, дёрганым джазовым ритмом по карнизам.

Метеозависимость, как и похмелье, с возрастом только усиливается. Для бодрости и энергии не хватало лишь толкового шумового оформления. Некоторые из знакомых Витольда врубали в таких случаях музыку поритмичнее. Кто – немецкий «тяжелаяк», кто – техно или хип-хоп. На худой конец – попсовые каналы на радио. Встречал он и таких, кто в похмельном состоянии любил послушать липкий, обволакивающий как паутина эмбиент.

Однако Витольд ни разу не меломан, к музыке относился более чем прохладно. Тем более – в таком состоянии. Как правило, включал на «Ютубе» какую-нибудь лекцию – и нормально. Фоновый шум есть, а если прислушиваться внимательно, иной раз говорят что-то умное и забавное.

Медленно шаркая по полу не совсем ещё твёрдыми нога-

ми, тщательно обходил дверные косяки и мебель. Витольд выдвинулся в сторону ванной под бубнёж ютубовского лектора из ноутбука.

Тело слушалось не особо, зато в мозге пульсировала мысль: «Поскорее бы добраться до душа».

Там наконец избавиться от этого тяжкого и тревожно-мутного состояния. Медленно, но верно подгоняемый мыслью, что скоро станет легче, он шёл в заданном направлении.

Похоже на то, как маленький, но мощный буксир заводит в порт огромный океанский контейнеровоз под либерийским флагом. Туман раннего утра над тёмной водой. Но за штурвалом буксира – капитан. Бывалый, прожжённый местный парень. Ведомый опытной рукой буксир толкает усталый и неуклюжий танкер на разгрузку, ловко обходя мели и затонувшие железяки, не указанные ни в одной лоции.

Вода зашумела. Танкер «Витольд» пришвартовался с глухим стуком о стенку в душевой кабине.

Как оказалось, голова немного побаливала. Но ещё не раскалывалась до искрящихся молний в глазах. В таких случаях помогали обычно две таблетки цитрамона.

Горячий кран на полную. Шипящие водяные спицы пронизывали пар. Приятно покалывали остриями шею и затылок. Головную боль, немощь и молекулы перегара уносило в водоворот слива вместе с мыльной пеной.

Пар валил густым туманом к потолку. Сил стоять под душем уже не было. Витольд сполз по стене на широкое сиде-

ные кабины. Долго пристраивался, дёргал рычаги и краны. Наконец расположился с комфортом под режимом «тропический ливень».

Минут через двадцать заметно полегчало. Особенно на душе. Исчезала та самая похмельная «измена». Чувство мистическое и омерзительное. Вроде бы всё хорошо, однако под завалами памяти копошатся беспокойные твари – черви сомнения. И поедом едят остатки совести. Иной раз так вцепятся своими червивыми зубами, аж сердце похолодеет от страха и ужаса. Вся беда в том, что в состоянии похмелья совесть с памятью не в ладу. Не помнишь, проще говоря, ни хрена. Оттого тварям ползучим есть где разгуляться.

Наконец-то мистические черви рассеялись. Скорее всего, сожрали друг друга в нервном отчаянье. По очереди, согласно весовой категории. Единственный оставшийся абсолютный чемпион, жирный и довольный червь, повернулся на спину, зевнул зубастой пастью и забылся сытым сном. До следующего раза.

Глава вторая

Читатели, что давно уже барахтаются в алкогольной теме, могут задать резонный вопрос: какого, собственно, Витольд мучился, вместо того чтобы налить граммов сто и опохмелиться?

Отвечу. За Витольда. Он, знаете ли, не опохмеляется. Принципиально.

Более того, найденные с утра на кухне остатки бухла, недопитые рюмки, пивные банки нещадно и безжалостно выплёскивал в раковину.

Наскоро ликвидировал Витольд следы вчерашней пьянки. В мусорное ведро отправлялись заветренные остатки закуски, куча бычков из пепельницы. Жестяные банки с хрустом плющились подошвой. Бутылки из-под водки предусмотрительно заворачивались в газету, дабы не звенели на радость любопытным соседям по пути к мусорным контейнерам.

Каждое такое утро, после того как очистишь тело и душу, предстояло хоть как-то убрать все эти вещественные напоминания о вчерашнем дне. Дело хоть тяжкое и муторное, но – необходимое. Витольд даже изобрёл собственную методику уборки кухни после пьянки. Во всяком случае, ему было приятно считать, что автор инновации в клининге помещений именно он. А если «по чесноку», помогли советы из интернета. Хотя личный опыт с корректировками на малога-

баритную кухню и отсутствие навороченного оборудования стоил немало.

Первое, с чем обычно сталкиваешься, войдя на кухню в подобное утро, – удручающий вид беспросветной загаженности. Иногда со следами разрушений. Единственное желание – совершить манёвр в стиле «Элвис покинул здание».

Главное – не растеряться в этот момент. Немедленно приступить, разглядев самый загаженный участок. Впрочем, территория ада сама бросится в глаза. Немым воплем требуя прибытия МЧС. Самое важное – использовать правило «одного квадратного метра». Не метаться по кухне, как одна симпатичная кулинарная телеведущая. А сосредоточенно приводить этот самый ужасающий «квадратный метр» в идеальное состояние. Ну, или почти в идеальное.

«Начало – половина дела». Все последующие участки после ликвидации самого эпицентра трагедии покажутся сущей ерундой для уборки. Далее следует продвигаться в том же духе. По квадратному метру. В направлении сверху вниз.

Мусорное ведро лучше поставить посередине. Дабы не терять времени на беготню в его сторону. Легче будет попадать в корзину трёхочковыми бросками с любой дистанции.

Всё треснутое, мятое, надорванное, надрезанное и подлежащее восстановлению лишь в теории швырять в корзину безжалостно.

Следующий приём уборки подсмотрел Витольд у шеф-повара элитного загородного дома. Гламурно-разудалые поси-

делки компании гостей обоего пола уже завершилились. Повар заканчивал работу. Принёс пылесос, которым вычистил всю кухню от мельчайших крошек, муки и пыли. Начиная с плиты, столов и подоконников. Лишь затем появился с ведром и шваброй.

Когда останется лишь вымыть пол, лучше сделать перекур. Оглядеться внимательно. Иной раз, войдя в раж, можно не заметить явных упущений. Зияющих мусорными островками в океане чистоты.

Витольду даже нравилось, как нудный и монотонный процесс уборки при этом проясняет голову. Прочищает мозги и отпускает нервы, травленные вчера алкоголем. Начинаешь думать в обычном, нормальном режиме.

Протерев пол, приятно потом обвести взглядом кухню. Разглядеть в высыхающей на линолеуме воде некое возвращение в нормальную жизнь.

Теперь следует объяснить, почему же Витольд не махнул с утра сто грамм. Прояснить некоторые «подводные» моменты.

Как люди опохмеляются, ему приходилось наблюдать довольно часто. Зрелище, весьма западающее в душу. Образовалась у него в тех самых девяностых годах работа, которая заканчивалась в шесть утра. Опасная и нервная, но денежная. Менеджера казино. Шесть лет Витольд на этой должности обретался.

Каждый раз, почти уже доехав до дома, Витольд просил

таксиста не заворачивать во двор, а высадить его на остановке. Там стояла рюмочная с незамысловатой вывеской, мигающей дюралайтом, «БАР». Адреналин бурлил в крови после рабочей ночи. Сидя за стойкой заведения, Витольд неспешно выпивал пару кружек пива. Накопившееся напряжение отпускало с каждым глотком.

Нескончаемым потоком заходили работяги с соседнего порохового завода. Прийти в себя перед сменой. Спешно и деловито платили за сто грамм в пластиковом стаканчике. Торопливо, дёргая кадыком, выпивали водку, словно холодную воду в жару. Не крикая и не морщась. Церемонно заедали карамелькой. И спешно отваливали трудиться.

Виделось в этом что-то чудесное и сверхъестественное. Заходил несчастный, трясущийся человек. Не старый на вид, как правило. Пряча глаза в пол. Платил. Выпивал. В считанные секунды обретал он бодрость и вид человеческий. Уверенно оглядывался по сторонам и шёл на работу.

Примерно через месяц Витольд заметил, что клиенты рюмочной были одни и те же. Неуловимо похожие друг на друга. Этакие люди-тени. Себя потерявшие. Как это с ними произошло? Думаю, каждый из них мог рассказать свою замысловатую, а может, и совсем короткую историю. Судя по всему, со многими это произошло совсем недавно. Но все они оказывались молчаливы. Как будто хранили страшную тайну. Продолжали худо-бедно под её покровом жить. Назад не собираясь возвращаться.

Барменша обслуживала заходящих с конвейерной быстротой. Зная лишь в лицо. Ни разу ни одного из них не назвала по имени. Здороваясь едва заметным кивком головы, скорее, даже взмахом искусственных длинных ресниц. Без намёка на малейшую эмоцию. Дежурная улыбка была не про их честь. Друг с другом эти люди тоже почему-то не здоровались. Редко когда очередь выстраивалась больше двух человек. Создавалось впечатление, что каждый, прежде чем зайти внутрь, следит на углу через стекло. Ждёт, чтобы оказаться с барменшей, стаканом и конфеткой наедине. Без свидетелей.

Каждый раз Витольд внимательно за этим наблюдал, цедя пиво за стойкой. Теша себя уверенностью, что с ним никогда ничего подобного не произойдёт. И что с того, что он сейчас здесь, а люди опохмеляются в шаге от него? Не более чем совпадение. И вообще, он тут случайно. Сторонний наблюдатель. словно зритель в цирке, замороженно следящий, как дрессировщик засовывает голову в пасть льву. При этом зрелище отделено решёткой, а рядом стоят униформисты с брандспойтами наготове.

Сам он считал, что опохмеляться – не по правилам. И вообще, чистерство. Предпочитая по-честному потерпеть. Так сказать, искупить вину за то, что слишком хорошо было вчера. А вчера было действительно хорошо.

Глава третья

Есть у Витольда друг со старинным прозвищем Пинцет. Потому как в молодости хотел Пинцет стать врачом. Бывший бандит. Фактурной внешности. Сто пятьдесят килограмм веса в двух метрах роста. Ныне – видеооператор. Уроженец центра города. Житель дома, спроектированного в духе неоклассицизма, с закруглённым фасадом.

Пинцет, как все люди, которые когда-то занимались спортом, бухал редко. Берёг себя и всячески «это дело» осуждал. Но иногда возникало у него желание от души напиться. Если тяга оказывалась непреодолимой, подходил к вопросу со вкусом. Даже некоторым сибаритством. Основательно и обдуманно. С лёгкой нервной опаской. Как чему-то незаконному. Говоря по правде, как к сволочной сделке с собственной совестью.

Вчера Витольд и Пинцет пересеклись на Колхозном рынке. Приняли финансовый бюджет мероприятия во втором чтении, после ряда обсуждений и дискуссий. Не спеша двинулись по рядам. Начали с овощного. Принюхиваясь, разглядывая внимательно, трогая руками и пробуя, приобрели: квашеной капусты с рубиновыми вкраплениями клюквы, солёных огурцов и груздей, картошки, несколько пучков зелени. Свернули в рыбный ряд, долго выбирали селёдку потолще. Пытаясь распознать по оловянным глазам ту из рыбин в

бочке, что с икрой.

Перешли в мясные ряды за салом. Продавщицы нахваливали свой способ засола и особые сорта опилок, что дымили при копчении. У торговца фруктами прихватили гроздь чёрного винограда и пакет мандаринов, как напоминание о прошедшем Новом годе. На улице в пекарне взяли хрустящего свежего белого хлеба. Ну а в финале – литр хорошей водки. По «штырю» на душу населения. На всякий случай добавили ещё четыре банки светлого пива.

Через полчаса ценный груз осторожно выкладывался из рюкзака на кухне у Витольда. Минут сорок ушло на приготовление и нарезку. Сервировали, тесня посуду на узком кухонном столе. Как для инстаграмовских фотографий.

Парила картошка в мундире, сдобренная сливочным маслом, укропом и крупной солью. Аккуратно разделанная селедка, сбрызнутая уксусом и оливковым маслом, вытянулась двумя симметричными рядами брусков, припорошённых слегка луком, укропом и чёрным перцем из похрустывающей на оборотах мельницы. В отдельных посудицах разместились соленья. Квашеная капуста, заправленная маслом. Грузди и огурцы решили не резать, а закусывать ими в целом виде. Сало и хлеб нарезались тонко, для лучшего вкуса. Водку достали из морозилки, вместе с заиндеветшими рюмками.

Витольд вытащил с антресолей маленькую пластмассовую ёлку, вышиной с бутылку. Расположил рядом с виноградом и

мандаринами на подоконнике с видом на затянувшуюся весну. Вспомнили, что не купили солёных зелёных помидоров, но тут же махнули рукой на эту нехватку.

Налили водку, тягучую как масло от морозильного холода, в ледяные рюмки.

– Ну, по первой!

Выдохнули, выпили и понеслось... Тосты перемежались с длинными разговорами и перекурами. Закусывали не спеша, с достоинством. Без голодной плебейской жадности к деликатесам. Дабы распробовать всё, что лежало в тарелках, со всей тщательностью. По отдельности, вкусов не смешивая. Гедонизм в чистом виде. В такие часы думать о том, что завтра будет плохо, совершенно не хочется.

Глава четвёртая

Если уж говорить по-честному, бывало пару раз, когда Витольду пришлось опохмеляться. Случилось это давно, в молодости ещё. На окраине Москвы.

Напоролись они как-то раз с друзьями на съёмной квартире палёной водки. А качественную, заводскую найти тогда представлялось задачей неразрешимой.

С утра Витольд со товарищи блевали дальше, чем видели. Кто постарше и поопытнее сходили за другой бутылкой, качеством получше. Наскоро поправили здоровье. Чего и настоятельно советовали сделать всем остальным.

Да не тут-то было. Налицо тяжёлое отравление. Водку не то что пить, даже смотреть на неё невозможно. Температура, красный туман перед глазами и пульс, бьющий молотом о стенки черепа. Желудок выбрасывал спазмами желчь и чистую воду. Так продолжалось весь день, до позднего вечера, эти метания из комнаты к унитазу.

Пришлось старших товарищей послушать. Хотя, когда наливали на кухне рюмку, – с души воротило от вида и запаха. Пить пришлось с дальновидной предусмотрительностью. Над унитазом. Содержимое рюмки как раскалённый металл скатилось по пищеводу и обожгло желудок. Через секунду всё его содержимое было исторгнуто наружу. Как только Витольд проблевался, его чудесным образом отпустило. Отды-

шался, пришёл в себя. Как рукой сняло.

Другой похожий случай запомнился Витольду тем, что не следует с похмелья полагаться на медицину. Нет, против врачей он ничего не имел. В медицину редко попадают откровенные бездари и человеконенавистники. Скорее всего, всё потому, что зарабатывают врачи мало. Вот и происходит с некоторыми профессиональная деформация. Тут совсем иное. Витольд считал, что все эти капельницы и дезинтоксикация со стороны пациента – читерство и самообман чистой воды.

Дело обстояло так: отравился на этот раз Витольд коньяком. Выпил совсем немного. Граммов триста. С трудом проснулся тем августовским утром. Блевал как заводная игрушка. Вышел из дома, купил на углу огромный полосатый астраханский арбуз. Еле дотащил в таком состоянии. Разрезал, начал поедать столовой ложкой перед телевизором. Вроде как оздоровительное мероприятие, снижение вреда и вообще – сплошной ЗОЖ.

Однако лучше не стало. Даже наоборот. Может, дело и в арбузе оказалось. Превышенное содержание нитратов или чего там. Всё одно – хреново. И тут в телевизоре по бегущей строке мелькнуло: «Вывод из запоя на дому. Дезинтоксикация». Речь идёт о временах настолько доисторических, что вместо телефона был обозначен короткий номер пейджера. Витольд быстро надиктовал сообщение с адресом и цифрами своей мобилы. Рухнул ноющим телом на диван ждать.

Связь односторонняя. Ждать, когда перезвонят и позвонят ли вообще, да ещё в таком состоянии, адская духота за окном – дело тяжкое и муторное. Но никуда не денешься. Подышать из-за какого-то палёного коньяка и арбуза на закуску ох как не хотелось...

Через час, к его радости, врачи перезвонили на трубу. Уточнили адрес, огласили ценник. Деньги существенные, но плющило так, что торговаться даже и не помышлялось.

В нервном ожидании докторов Витольд пару раз выходил на улицу. Проветриться, заодно и поблевать арбузом во дворе на свежем воздухе.

Приехали. Врач бородатого хипстерского вида, с внушающим доверие мудрым взглядом из-за стёкол роговых очков. Медсестра скромных манер, с незапоминающимся лицом – явный профессионал.

Доктор спросил:

– У вас, случайно, не желудочное кровотечение?

Как оказалось, он принял за это дело красные кляксы арбузной рвоты во дворе.

Измерили давление. Поставили капельницу. Разложили ампулы и шприцы. Начали. Протёрли плечо спиртом. Почувствовал лёгкое жжение.

– Потерпите, это кордиамин.

Выбрали что-то из ампулы в шприц и медленно начали вводить в шланг системы.

– Сейчас у нас реланиум пошёл.

Так бывает, когда в бане выходишь из долгой парилки и окатываешься холодной водой. Прохладная приятная волна вымывает из тела жар и грохочущий пульс. Становится тебе спокойно, расслабленно, хорошо. Причём всего лишь за считанные секунды. Вот только что лежал, помирал. А тут – раз, и жизнь неожиданно наладилась.

Далее врачи уже не спешили. Сменялись бутылки на мачте капельницы. Организм Витольда принимал внутривенно витамины и другие полезные штуки.

Ближе к финалу доктор поинтересовался, к скольким пациенту на работу. Услышав, что только к 14:00, врач молча кивнул медсестре. Та вколола хорошую дозу снотворного. Медики посоветовали немедленно ложиться спать и больше так не болеть. Деловито упаковали свой инструментарий и вежливо удалились.

Смеркалось. Витольд ворочался под одеялом, по-честному пытаюсь заснуть. Никак не получалось. Как-то муторно и дёргано на душе. Тут снотворное начало действовать. Пришлось заварить крепчайший кофе.

Через полчаса он расположился в парке на скамейке. С громким хлопком скovyрнул пробку зажигалкой. В три глотка выпил бутылку пива из горлышка. Смачно рыгнул в прохладный воздух августовской ночи. Не спеша достал из пакета вторую бутылку. Открыл. Отпил пару протяжных глотков. Вздохнув, свернул пакет и выбросил медленно и печально в урну. Но, оглядевшись по сторонам, успокоился. Потому как

неподалёку мигали витринами ларьки круглосуточные...

Глава пятая

Визиты гостей у бухающих людей – дело редкое, но всегда внезапное. Приятная неожиданность почувствовать, что хоть кто-то помнит, что ты живёшь на свете. Результат естественного отбора и тщательной фильтрации. Проверенные кадры. «Чужие здесь не ходят». Им можно дверь открыть и после неожиданного звонка в два часа ночи. Те, кто приходит не с пустыми руками. Говорит по делу. Если рассказывает, то интересно, без длинных предисловий. Те, у кого крыша не съезжает даже после литра в одну харю.

Сегодняшний гость в этот список по ряду причин не вошёл. Старый травокур Череш. В миру более известный как В. Черешников. Так сказать – «игрок другой лиги», если не выразиться резче – человек с другой планеты. Надо сказать, травокуры алкашей тоже не жалуют. Отгораживаясь от них, как забором со шлагбаумом, одной-единственной фразой: «Водка – бычий кайф».

Что-то такое высокомерное сквозило в этих людях, долбящих траву. Некое причисление себя к элитарным слоям населения. А значит, интеллектуальным и творческим. Многие из них имели экстравагантные интересы и увлечения. Пытаясь возвыситься над остальными презренными плебеями – читали другие книги, слушали другую музыку, смотрели другое кино. Чем заумнее и непонятнее – тем лучше.

Так они пытались создать вокруг себя недостижимый мир. Собственную башню из слоновой кости. С её вершины им приятно и безопасно поплёвывать вниз на снующий тупой сброд. Быдло, которое в их темах абсолютно ничего не рубит в силу своей недалёкости.

Однако Череш и Витольд были старые товарищи. Чинно расположились на кухне. Этакая встреча на Эльбе. Каждый со своим кирпичом за пазухой. Тем не менее – вроде как друзья.

Как все травокуры, Череш всегда был любитель «присесть на уши» и начать прогонять свои наркоманские «телеги». Длинные красочные эмоциональные монологи. Давно уже сочинённые на досуге домашние заготовки. Обкатанные на ушах и мозгах десятков предыдущих слушателей.

Витольд маялся в состоянии лёгкого похмелья. Череш это сразу заметил. Тем более мнил он себя знатоком психологии, мастером коммуникаций и вообще – ловцом душ человеческих. Очередная «телега» Череша загрохотала колёсами длинных фраз.

– Что, всё на синьке сидишь, брат? Надо себя в руки брать. Совсем себя не бережёшь... Тебе бы курить для начала бросить. Нет, ну а что? Просто надо принять решение! Люди даже с героина слезают запросто... Как? Всё просто: с вечера настраиваешься, пишешь список аргументов «за» и «против». Концентрируешься на всех «за». Отметаешь все сомнения. Ложишься спать. И утром встаёшь совсем другим

человеком.

Череш, хоть и долбил траву неограниченно, обычные сигареты курил редко. Мог и выпить. Совсем немного, после чего иной раз и закуривал.

Выдержав паузу, продолжил:

– Вот ты на свою водяру, коньяки и вискарь бешеные деньги убиваешь. А куда всё это потом идёт? Правильно! Барыгам из алкогольных картелей. Они у нас – кто? Большая часть учредителей – иностранные граждане. Финляндия, Швейцария, США. Можешь сам в интернете посмотреть.

А другая часть денег, что ты за бухло платишь, – акцизы. Это чиновники забирают. Вроде как на пенсии, детские сады и медицину. Только идут эти деньги совсем не туда. А уходит это всё на дворцы, яхты, домики для уток...

Вот вы все заладили: наркота-наркота! А бухло твоё? То же наркота! Только легальная...

Ты бухлом этим ещё и себя гробишь. Знаешь, как в Древнем Риме дело было поставлено? Там детям специально показывали раба пьяного, обожравшегося неразбавленным вином. Чтоб видели, в какую скотину человек превращается. Мудрые тогда люди были...

А императоры римские? Они по чуть-чуть яды принимали. На всякий случай. Чтобы иммунитет выработать. И наш Иван Грозный так делал. Их же травили все кому не лень. Царей этих, императоров. Конкуренция, сам понимаешь...

Трава, спору нет, тоже вроде как – яд. Но без всякой хи-

мии! Как яд гадюки или там пчелиный... Чистейший натурпродукт. Если без оголтелости траву употреблять – реальная защита от ядов и гадости всякой. В Америке уже нормально, от депрессий её прописывают. И даже раковым больным назначают. Не то что у нас...

Этим политикам – лишь бы народ гробить всей этой алкашкой. Перенаселение грядёт! Китай опять же... Скоро людям жрать будет нечего. Про «золотой миллиард» читал? Про то и говорю...

Трава скольких творческих людей подняла? Те же «Битлз». Долбили только в путь! А тебе что мешает? Нет, ну сам посуди: куранёшь с вечера – мозги хрустальные!!! Идеи так и прут.

Какая, на хер, зависимость?! Возражу тебе! Хочешь и она есть – долбишь! А нет её – так не долбишь. У меня сегодня есть гидропоника голландская. Сказка... Шишки аж серебрятся!

Череш завершил подготовленный спич, отхлебнув крепкий чай из кружки.

Всё бы ничего, да вот слышал Витольд подобных телег в своей жизни изрядно. И не только от Череша. Кроме того, у Витольда была аллергия на траву. Реальная. С покраснением и отёком лица.

А уж накуренное состояние Витольду приходилось во все не по душе. Вместо гениальных идей в мозгу начинали роиться мелочные и суетные мыслишки. Запинаясь друг о

друга, мыслишки иногда сменялись мыслищами глобально-го масштаба. Чуть ли не до обустройства мировой технологической революции и всеобщего перехода на электродвигатели и литиевые аккумуляторы.

Глобальные мысли быстро исчезали, сменяясь на простецкую измену. Проще говоря – на необъяснимый страх. Лютый и идиотский.

Витольда всегда удивляло, как люди типа Череша могут в таком состоянии что-то там заумное связно говорить, шутить и даже общаться меж собой. Инопланетяне – да и только. Рептилоиды с далёкой Нибиру.

А про зависимость, если уж говорить про Череша, точно определить это было решительно невозможно. Череш был накурен всегда. Трудно сказать, кто он в большей степени – наркоман или дилер. Череш снабжал травой множество людей. Давно налажен у него свой надёжный канал доставки. Держал он его в строжайшем секрете. Привезти – всегда пожалуйста. Правда, за грубую цену. Зато в любое время и в любой район города. Тут отсыплет немного, там табаком разбавит – вот тебе и лишние граммы. Прибавочная стоимость профессии.

Череш по образованию маркетолог. Тот редкий случай, когда университетские знания можно применить на практике. По собственному сложному графику Череш обходил друзей и знакомых. И каждому пациенту прогонял свою «телегу». Совершенствуя и шлифуя с каждым разом её содержа-

ние. Экспансивно расширял и укреплял клиентские связи. Развивал свой старт-ап.

Только с Витольдом это бесполезно. Толку всё равно никакого. Потерянный для его бизнес-модели человек. И ушёл Череш в ночь. Видимо, отправился на кошках тренироваться.

Глава шестая

Советчиков типа Череша, с одной стороны, слушать в лом и неприятно. А с другой стороны, почему? Потому что и сам знаешь, без ушлых пропагандистов здорового образа жизни, что бухать надо завязывать. Только вот когда и как?

Иной раз соберёшься, а тут – бац! – выскочит праздник какой-нибудь или день рождения, или забредёт посреди ночи старый знакомый, грохоча парой бутылок в пакете.

Прокрастинация опять же. На душе становилось спокойнее от мысли, что лень и откладывание лучшей жизни на завтра – «наше всё». Илья Ильич Обломов, не поднимавшийся с дивана, безусловно, пример лютой крайности. Однако нестареющая классика русской жизни. Как Емеля на печке. Илья Муромец, до тридцати трёх лет с лавки не встававший.

Да и вообще, ждать и думать: ещё чуть-чуть, немного позже, может, в следующем году или через пару лет – жить станет лучше и даже веселее. Такие мысли немного обнадеживали. Если бы не известия про «очередной кризис», «достижение дна» и советы из телевизора «потуже затянуть пояса».

Но даже при этом вспоминалось: «Долго запрягают, но быстро скачут». Что вселяло пусть и небольшую, но уверенность в ближайшем будущем.

Правда, иной раз наступала та самая унылая, безнадежная пора. Непроходимая, липкая и тугая, как эпоксидная смола.

И погода тут совершенно ни при чём.

В любое время года жизнь могла застыть в гладком, как зеркало, штиле. Ни единого дуновения ветра в паруса. Хотя больше это похоже на цугцванг за шахматной доской. Любой ход ведёт к поражению.

Но в игре на чёрно-белых клетках по правилам необходимо делать следующий ход. Лучше тот, что с наименьшими потерями. В реальной жизни, где правил значительно меньше, примерно то же самое. Но иногда самое лучшее – не делать никаких ходов. Вообще.

Переждать этот бесполезный штиль. Период жизни – скучный и беспросветный. Когда делать совершенно нечего. Хотя можно придумать, чем заняться. И даже начать что-то активно, но, скорее, суетно делать.

Однако опыт и интуиция подсказывают обычно в тот момент, что ни хрена из этих затей не получится. Потратишь впустую кучу сил, нервов и времени. А результата не будет вовсе. Сам на себя разозлишься и ничего больше.

Тот самый случай, про который Витольд прочитал в какой-то книге по философии: «Наказывается – действие». Или, как говорит один из его начальников: «В этой ситуации нам дешевле ничего не делать».

Думаете, Витольд уходил при этом в тоску и депрессию? Нет. Бухать по-чёрному, с горя, считал он последним делом. Тупым и бесполезным. Горю своему этим не поможешь. Лишь сильнее терзаться начнёшь.

А вот если, наоборот, употребить в меру, алкоголь давал почувствовать широту жизни во всех её проявлениях. От эйфории, воспарения духа и блаженного забытья до немного болезненного, но необходимого состояния похмелья. Полный спектр эмоций, которого так не хватает в вынужденном бездействии.

Но это до поры до времени. Как говорят опытные люди: «Пока звоночек не прозвенит».

Глава седьмая

В жизни бухающих людей такие «звоночки» трезвонят довольно часто. Типа велосипедных звонков в парке. Те, что вдруг раздаются за спиной. Резко, неожиданно, но ничуть не страшно. Двухколёсные водители на собственной мускульной тяге редко врезаются в пешеходов. И практически никогда с летальным исходом. Хотя иногда «звоночки» эти напоминают гудение пожарной каланчи. Или того хуже – набат смутного времени из чёрно-белого кино. Частый, тяжкий и тревожный.

Если кто вдруг подумал, что Витольду сразу же приходила на ум цитата из Джона Донна «А потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе», позвольте Вас разочаровать. Фраза до того затаскана, пафосна и избита, что никакого уважения не вызывает.

А уж тем более страха и трепета. Многие ошибочно полагают, что цитата принадлежит Эрнесту Хемингуэю. Писателю, создавшему себе имидж отчаянного алкоголика. Мог ли какой-то там колокол его напугать? Люди, сильно пьющие, таких мелочей даже не замечают. Им о самих себе подумать некогда. Куда уж там об окружающей обстановке и посторонних шумах. А тут уважаемый писатель, большой человек – Хемингуэй. Слишком мелко для такой широкой натуры.

Опять же, возьмём список знаменитостей, умерших от ал-

коголизма. Для наглядности и узнаваемости – наших современников. Как школьное пособие, иллюстрированное картинками и текстом. И покажем его людям бухающим. Никого из них этот список особо не впечатлит. Хотя многие даже удивятся настоящей причине смерти, скользя глазами по знакомым фамилиям и портретам. Иные с некоторой гордостью улыбнутся, узнав, что давний их кумир тоже, оказывается, коллега по алкогольному цеху.

Если посвятить публику в подробности, её зябко передёрнет. Как только они узнают, насколько ужасным оказался финал многих знаменитостей. Талантливые, тонкие, интеллигентные люди «уходили», захлебнувшись собственной рвотой. Гибли в пьяных драках, получив под сердце ножом от случайного собутыльника. Падали пьяными, ударяясь виском о край кухонного стола. Умирали безвестно в одиноком запое, всеми забытые, в квартирах на окраинах городов. Тела вчерашних небожителей находили только через несколько дней. Только потому, что зловонный запах разложения начинал тревожить соседей.

Жизнь простого человека сама по себе – эксперимент и опасный аттракцион. Человек бухающий особенно склонен к опытам. Биохимического порядка. Жестоким и рискованным. Учёный и объект исследования в одном лице. К чёрту лабораторных мышей. Опыты строго на самом себе. Без наркоза, дублёра и страховки. Некоторые даже иногда доходят живыми до финала изысканий. Постановки самого сложного

эксперимента. Задача которого, говоря высокопарно, повернуть время вспять. Проще говоря – завязать бухать совсем. Шарахаясь витиеватыми зигзагами проспектов, закоулков и тупиков своего жизненного пути, Витольд подошёл всё-таки к началу этого эксперимента.

Глава восьмая

Если Вы дочитали до этой главы и думаете, что сейчас Вам будет явлен точнейший рецепт, как Витольд проснулся в одно прекрасное утро абсолютным трезвенником, – хрен Вы угадали.

Как говаривал один старый знакомый Витольда, дальнотбойщик с сорокалетним стажем, Игорь Валентинович: «С годами всё приходит. С годами...»

С ним вместе они работали когда-то в одной оптово-розничной конторе. Проще говоря, «коммерческой фирме», типичной для девяностых годов. Гоняли на КамАЗе по России и СНГ. Игорь Валентинович за штурвалом грузовика, а Витольд на пассажирском сиденье, экспедитором. «Экипаж машины боевой».

Свой стиль вождения Игорь Валентинович именовал так: «Тихо, по-стариковски, творчески».

Что на самом деле означало: не больше 70 километров в час, как предписывают ПДД. Если в пути заставала глубокая ночь и сил рулить дальше уже не хватало, обязательно останавливались. На предмет попить водки с устатку из ближайшего ларька. Без памяти задряхнув часов на пять. Причём Витольд всегда пытался отказываться, но нарывался на стандартный ответ старшего товарища: «Не хочет, видишь ли, он!!! А ты думаешь, я хочу?! Стресс снимать обязательно».

но надо!!!»

После пары месяцев совместной работы экспедитор перестал блевать от выпитого. Заработал вторую или какую там по счёту стадию алкоголизма – утрату рвотного рефлекса.

Витольд по прошествии лет может много рассказать из этих дорожных приключений девяностых. Про жадных гаишников и благородных бандитов. Колоритную обстановку придорожных кафе. Про ушлых бизнесменов и трассовых «плечевых» путан. Но не станет этого делать. Кому интересно погрузиться в атмосферу и натуралистичные детали той поры, пусть посмотрят фильм «Бумер».

Впрочем, в свете текущего повествования про алкоголь одну историю, точнее, водочную эпопею, можно поведать. Думаю, не слишком выбьется она из общего контекста.

Учредитель, он же директор оптово-розничной конторы, слыл человеком крайне экспрессивным. Решения принимал мгновенно. Подчас весьма неожиданные.словно биржевой брокер из кино, молниеносно выкидывающий цифры жестами на пальцах. Время было такое. Период первоначального накопления капитала. Чтобы этот «очень сложный предмет» не растаял в витках бешеной инфляции, приходилось заставлять его крутиться в темпе юлы.

На директора работал солидный автопарк из десятитонных КамАЗов, мотавшихся в соответствии с его грандиозными многоходовыми планами по всей стране и окрестностям. Как-то раз, читая газету «Коммерсант-Ъ», он вдруг за-

орал из своего кабинета: «Так, срочно идите в бухгалтерию и немедленно собирайтесь в Тулу!»

А всего-навсего он только что прочёл статейку о тульском ликёроводочном заводе. Причём такого скрытно-рекламно-го характера, типа после реконструкции и установки немецкого оборудования Тульский ликёроводочный завод «пришёл к успеху». Начал выпускать чистейшую водку и прочие вкусные настойки. Особенно изумителен новый сорт водки «Левша», приготовленный по старинным рецептам из спирта класса люкс. В конце статьи телефон и факс. (Имейлы тогда были ещё редкостью.)

Игорь Валентинович и Витольд люди привычные. Быстро получили документы и засветло выехали. Дорога до Москвы бесчисленное множество раз туда-обратно обкатанная. С одной стороны – ничего интересного. Поля, сменяющиеся лесами. Иногда мерцают города невдалеке. Для Витольда, тупившего в окно на пассажирском сиденье, сплошная ландшафтотерапия. Протяжные, спокойные виды средней полосы. Успокаивающие нервы и переводящие мысли в безмятежное русло.

Прибыли в Тулу ночью. Старинное здание ЛВЗ оказалось чуть не в самом центре города. Камуфлированные вохровцы КамАЗ на завод не пустили. Пришлось заехать в ближайший двор и там встать.

Тут же подъехала классическая чёрная «девятка», из которой вышли двое молодых парняг. Но всё обошлось тихо

и мирно. Поговорили вежливо за жизнь. Местные гангстеры поглядели на номера и серию региона, в ту пору особо криминального. Попрощались и уехали.

Утром получили на заводе полную машину весело позвякивающего бутылками груза. Упросить кладовщицу запечатать двери фургона заводской пломбой Витольд не сумел. Несмотря на обещания и посулы отблагодарить. Обломалась хорошая возможность провезти сорокоградусную без потерь мимо всеядных и всёпьющих гаишников.

Бывали такие посты, где выскакивал он с полной папкой документов, посмотрят на него гайцы: такой молодой, но уже за груз «старший». Шустрый, вежливый, на лицо свой – славянин. И, махнув рукой, отпускали. Но бывали другие. Кровапийцы, что с живого не слезут. Водителя, грузовик и документы на машину придирчиво проверят. Потом возьмутся за экспедитора и груз. Глянут в накладные, как в бесплатное ресторанное меню. Где только описания блюд, приукрашенные до самопроизвольного слюноотделения, но нет цен. Вцепятся изучать сертификаты, чуть ли не на свет их просматривая. Попросив открыть фургон, пялятся на груз, как на сундук со случайно найденными сокровищами. Сухопутные пираты хреновы. А были бы на дверях заводские пломбы, всё: «Adios, amigos!»

Тяните меня за хер мыльными руками. Груз опечатан, вот пометка в накладной. Хочешь открыть, посмотреть, посчитать, лейтенант? Не вопрос! Вызывай начальство, составляй

акт.

Попадались и такие посты, где проверки больше напоминали альпийское нищенство. Особенно в одной тихой республике, на разбитой переправе через Волгу. Выглядело это так: полуграмотный сержантик в измятой форме не по росту тормозил жезлом всех подряд, слёзно крича в приоткрытое окно: «Хоть что-нибудь дай, а!»

Всякое случалось.

Витольд перед отъездом с завода позвонил шефу. Получили приказ незамедлительно валить с грузом в Москву и виснуть там в служебной квартире в ожидании дальнейших распоряжений.

Затащив в московскую хату ящик «Левши», водитель с экспедитором приступили к затяжной дегустации. Водка оказалась, как и обещала статья в «Коммерсант-Ъ», очень даже на высоте. Тот редкий случай, когда в рекламе не двинули фуфло.

Через четыре дня шеф позвонил и озадачил новым руководством указанием. Предстояло собираться и отправляться в славный город Сыктывкар. Порадовать жителей Республики Коми чудесной тульской водкой «Левша». Члены экипажа этому ни разу не удивились. Даже если бы водку предстояло поменять там на шкурки соболя и песка. Поскольку в их практике уже имелась пара запоминающихся примеров коммерческого таланта директора. К примеру, обмен трёх фургонов автомобильных покрышек на несколько десятков ты-

сяч ватных телогреек. Гениальная торговая операция состоялась в солнечном Узбекистане. Бартерные сделки в ту пору ещё не запретили законом.

Хотя приказы не обсуждаются, Игорь Валентинович и Витольд оказались таким раскладом весьма недовольны. В особенности потому, что автором столь смелого проекта выступил родственник шефа, Нургали. Для своих просто – Нур. Он когда-то там работал вахтовым нефтяником на северных буровых. Вот и решил подсуетиться в нужный момент. Воспользовался потёртой записной книжкой со старыми связями.

Больше всего раздражало отсутствие чётких координат. Ни телефона, ни адреса. Просто город Сыктывкар и название какого-то кабака. В качестве контакта – имя. Без фамилии. Ярослав. (Время гугл-карт и навигаторов тогда ещё не наступило.) Но куда деваться? Уполномоченные представители серьёзного бизнесмена на выезде. Собрались и поехали. «На деревню дедушке. Константину Макарычу».

Дорога на Север, в Сыктывкар, оказалась скучной и прямой. Сплошная однообразная тайга. Придорожных забеголок практически нет. Разве что полупустые ларьки иногда встречаются. Редкие деревни, где дома стоят занесённые снегом по самые рогатки телевизионных антенн на крышах. Местные жители передвигались мелкими группами. Некоторые волочили за собой санки с детьми. Строго по обочине встречной полосы, как предписывают правила. Видимо, на-

ученные горьким здешним опытом. Много раз дорогу перебегали лисы и зайцы. Остановившись ночью на обочине передохнуть, увидели выбежавшего из леса волка. Кинули ему ржаную горбушку. Тот боязливо обогнул машину, запетлял под колёсами. Быстрым движением сцапал кусок и прыжком скрылся среди деревьев.

Трафик на трассе наблюдался почти нулевой, лишь иногда из тайги выворачивали лесовозы. Витольд забеспокоился, что окочурится на этом Севере. Поскольку по тогдашней московской моде шапки не носил совсем, одет был в турецкий кожаный куртец и летние ботинки. На его счастье, термометры в Сыктывкаре показывали всего – 5 °С.

По прибытию долго плутали по городу, перекрикивая двигатель, спрашивали у прохожих ресторан «Гранат». Наконец нашли. Но там оказалась полная «засада». Кабак стоял закрытый на ремонт. Объехали со двора. Ткнулись в служебную дверь. Открыл патлатый богатырь, оказавшийся Ярославом. В недавнем прошлом ресторанный музыкант-гитарист. Бряцание по струнам принесло ему звонкую монету и шуршащие купюры в избытке. Ныне взял он кормившее его ранее заведение в долгосрочную аренду со всеми потрохами. Как все люди крупной комплекции и мощного телосложения, он никуда не спешил. Предложил в ожидании Нургали выгружаться без суеты. Собственными силами.

Спустя пару часов, когда все ящики уже стояли в подвале вдоль стен, появился ловкий негодник Нур. Упарившие-

ся коллеги, Игорь Валентинович и Витольд, злобно переглянувшись, насыпали ему полные тачки словесных херов и всяческих предьяв. Тот в ответ проявил весь свой негоциантский талант. Отбоярился тем, что вечером доблестный экипаж ждёт щедрое проставлялово и выполнение полного комплекта желаний.

Вечером все трое релаксировались за накрытым по-богатому столом в центральном ресторане «Сыктывкар». Под северные разносолы, водку «Смирнов» и брэнчание кабацких лабухов. Притупив бдительность соратников по борьбе за хорошую жизнь, Нур неожиданно сказал, что придётся ждать, пока водка не продается полностью. Злиться на него у членов экипажа сил уже не было. Однако совместно они «вырулили» обязательные условия: приличную гостиницу на этот неопределённый срок и баню. Затем хитро перемигнулись. Памятуя о том, что дальновидно заныкали в фургоне на всякий случай два ящика «Левши».

Очнувшись утром в гостинице, Витольд увидел в окне плакат «Сыктывкарец – значит лыжник». Немного охренев от такого текста, пошёл разведать окрестности. Навстречу пролетали, взвизгивая пластиковыми лыжами, люди разного возраста. От мелких детишек до стариков. Все, как один, в навороченной экипировке. Мастерски отработанным коньковым ходом скрывались в лесу. Оказалось, что текст на плакате вовсе не шутка. Поскольку Республика Коми – родина Раисы Сметаниной. Олимпийской чемпионки, гордости

местных жителей. Да и климат с длинной зимой вполне располагал к этому занятию. Пешая рекогносцировка показала, что вокруг располагается с десятков лыжных баз и освещённая десятикилометровая трасса. Если бы не запас «Левши», то Витольд обязательно научился бы ездить коньковым ходом.

Через две недели в номер завалился обрадованный Нур с большой картонной коробкой. Не из-под ксерокса, а гораздо большей. Всё-таки рублёвые купюры объёмистей долларов. Водка продалась, и можно отбывать домой. Но как родственник шефа и ловкий негодник Нур решил совершить этот манёвр самолётом. Попросил довести его вместе с коробкой в аэропорт. Проводы в ресторане с панорамой на лётное поле состоялись без сантиментов и мужских скупых слёз. «На сухую». Объявили рейс. Нур вдруг пододвинул ногой коробку к Витольду и сообщил: «Сейчас время такое... С этой коробкой меня в самолёт не пустят. Вы её лучше сами довозите».

И, взмыв из-за стола соколом, спешно отбыл на посадку.

Члены экипажа успели только зло скрежетнуть вслед зубами. Понимающе переглянулись, не спеша допили кофе и двинули на стоянку аэропорта к фургону. Забросили коробку в спальник кабины, завелись с пол-оборота и тронулись. Дом маячил в глазах подрагивающим миражом. И было до него каких-то восемьсот сорок километров пути.

Проезжая деревню, присоседившуюся к трассе, заметили

впереди стоявший на обочине милицейский уазик и фигуру в форменной шинели, машущую полосатым жезлом. При тормозили. Оказался местный участковый. Попросил подвезти двух человек. Возразили было, что не по правилам ехать в кабине вчетвером. Но участковый пререкаться не стал. Объяснил ситуацию по-человечески. Зека отпустили с лесоповала на побывку в деревню. За примерное поведение и перевыполнение плана. Он, как водится, дома от радости «нажрался». Стал наводить порядки в избе и округе. Начал с жены, перекинулся на соседа и так далее. Закончил в подвале местного КПЗ.

Доставить в лагерь участковый его не в состоянии. Ехать сорок километров да потом обратно «пилить». А в управе бензина сроду не допросишься. Пришлось звонить в лагерь. Оттуда прислали опера. Своим ходом. Вот бы их обоих подвезти, если не трудно. Около уазика уже стояли в готовности двое. Усатый опер с портфелем. В гражданском пальто, из-за ворота которого виднелся камуфлированный бронежилет. Рядом пожилой сухонький зек. Типичный «человек в телогрейке» и цигейковой ушанке. Безмятежно переминался он с ноги на ногу.

Члены экипажа закатали глаза к потолку кабины, обматерились мысленно. Тяжко вздохнули, обречённо пожалы плечами и приняли пассажиров на борт. Всю дорогу опер отчитывал штрафника вятским говором, поглаживая усы с завитками, как у пожарника со старых плакатов. Ругал больше

на показуху, потому и беззлобно. Как бы за себя и за того парня извиняясь. Зек равнодушно молчал, лишь прищурился в полуулыбке на солнце. Наверняка вспоминал, как он славно «оторвался» на воле. Лишь при высадке подал голос, скромно попросив сигарету. Картонная коробка в спальнике за спиной тяжело подпрыгивала на ухабах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.